

Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-267-281

Характеристика и условия формирования паттерна радикализации у обучающихся

Надежда Павловна Ничипоренко

Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казань, Россия)

nichiporenko.n@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3175-0085

Ирина Ивановна Пацакула

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского (Калуга, Россия)

kaluga-irina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5969-8509

Ильдар Шамилевич Галиев

Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казань, Россия)

Ildar.galiev@tatar.ru

ORCID: 0009-0007-6371-2821

Аннотация

Введение. Угроза радикализации молодежи становится предметом научных обсуждений, поиска и исследований, большая часть из которых сосредоточена в рамках изучения трех компонентов: личность–поведение–среда. Представляется, что концепция паттерна будет более эффективной при решении задач управления рисками радикализации по сравнению с психологическим подходом. **Целью исследования** выступает осмысление предпосылок радикализации лиц молодого возраста на основе метаанализа двух эмпирических исследований, в одном из которых изучались лица, совершившие преступления террористической направленности, а в другом – психологическая безопасность образовательной среды в связи с агрессивностью и депрессивностью обучающихся. Структуру радикального паттерна, описанного для осужденных террористов, образует комплекс индивидуально-психологических характеристик и социальных факторов: личностные диспозиции, склонность к зависимому поведению, виктимность, религиозное мировоззрение радикального толка, фиксация на идее справедливости, идеологически оформленное ядро идентичности, разбалансировка и дефицитарность семейной системы, предупреждающие поведенческие признаки. В определенных кризисных условиях и при влиянии катализирующих факторов данный паттерн может быть активирован и реализован посредством террористического акта. Предполагается, что агрессивность, депрессивность, отсутствие доверия и поддержки в среде сверстников и учителей, опыт насилия, дефицит просоциальной активности, выделенные среди обучающихся, могут рассматриваться как предпосылки

становления радикального паттерна в подростково-юношеском возрасте. Определяющим (причинным) всегда будет характер взаимодействия предикторов в данных условиях и закономерности долгосрочной динамики системы в направлении радикализации. **Методология, методы и методики.** Методологическими основаниями исследования выступают концепция психологической безопасности образовательной среды, субъектно-деятельностный подход, рассматривающий в единстве психологическую безопасность личности и среды, а также риск-ресурсный подход, направленный на выявление угроз и предотвращение рисков, возникающих в среде и влияющих на психологическую безопасность субъектов в среде. **Эмпирическое исследование** направлено на описание радикального паттерна как варианта адаптации личности и выявление предпосылок радикализации в образовательной среде. **Методом сбора** информации в исследовании осужденных выступали: глубинное интервью; анализ демографических и социально-психологических показателей, которые представляют важность с точки зрения социализации и радикализации личности; восемь психодиагностических методик тестового характера: сокращенный многофакторный опросник исследования личности (СМОЛ), ценностные ориентации (методики М. Рокича и Д. А. Леонтьева), локус контроля, психологические защиты (опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Р. Конте), копинг-стратегии (опросник Р. Лазаруса), склонность к зависимому поведению (опросник В. Д. Менделевича). Мониторинг психологической безопасности образовательной среды проводился методом электронного опроса и включал анкетирование (33 вопроса, касающихся образовательного пространства, отношений с учителями и сверстниками, обстановки в семье, причастности к насилию, в том числе буллингу), психодиагностическое обследование уровня депрессии (шкала В. Зунга в адаптации Т. И. Балашовой) и агрессивности (опросник А. Басса и М. Перри (ВРАQ-24 в адаптации С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского). **Метод обработки результатов:** корреляционный и сравнительный анализ. **Выборка исследования:** 30 осужденных по статьям террористического характера и 30 членов их семей; 244 143 респондента от 12 до 23 лет: учащиеся школ 6–11 классов, студенты средних специальных и высших учебных заведений различных регионов нашей страны; из них 52,7 % юношей и 47,3 % девушек. **Результаты.** Представлены характеристики паттерна радикализации, в которых отражены поведенческие проявления личности, а также характеристики радикализованной личности. Определены характеристики среды, взаимодействие с которой способствует становлению паттерна радикализации. **Научная новизна.** Полученные данные расширяют представление о причинах радикализации молодежи, смещая исследовательский фокус к диагностике нарушений развития и описанию паттерна адаптации. **Практическая значимость.** Процесс становления паттерна радикализации можно рассматривать как одну из траекторий сложного социального отклонения и как вариант дизонтогенеза, возникающего в ходе взаимодействия личности с небезопасными условиями среды. Использование такого подхода в психокоррекционной и психопрофилактической работе с молодежью и обучающимися рассматривается как способ выявления на ранних этапах нарушений развития личности и оказание адресного психолого-педагогического воздействия.

Ключевые слова

радикализация, паттерн радикализации, саногенные и патогенные паттерны адаптации, предикторы радикализации

Исследование выполнено в рамках Государственного задания № FNRR-2024-0003 «Проблема методологии социального отклонения развития человека» (Психология)

Для цитирования: Ничипоренко, Н. П., Пацакула, И. И., Галиев, И. Ш. (2025). Характеристика и условия формирования паттерна радикализации у обучающихся. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 267–281. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-267-281.

Original paper

Characteristics and conditions of radicalisation pattern formation in students

Nadezhda P. Nichiporenko

Kazan Branch of the Federal Scientific Center
for Psychological and Interdisciplinary Research
(Kazan, Russia)

nichiporenko.n@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3175-0085

Irina I. Patsakula

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Kaluga, Russia)

kaluga-irina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5969-8509

Ildar Sh. Galiev

Kazan Branch of the Federal Scientific Center
for Psychological and Interdisciplinary Research
(Kazan, Russia)

ildar.galiev@tatar.ru

ORCID: 0009-0007-6371-2821

Abstract

Introduction. The threat of radicalisation of young people is becoming the subject of scientific discussions, search and researches, most of which are concentrated within the examination of three components: personality-behaviour-environment. The concept of pattern seems to be more effective in solving the tasks of radicalisation risk management compared to the personological approach. **The aim of the research is to analyse** the prerequisites for radicalisation of young people on the basis of a meta-analysis of two empirical researches: one examining the individuals having committed terrorist offences and the other studying the psychological safety of the educational environment in connection with the aggressiveness and depression of students. The structure of the radical pattern described for convicted terrorists is formed by a complex of individual-psychological characteristics and social factors: personal dispositions, addictive behaviour, victimisation, radical religious worldview, fixation on the idea of justice, ideologically shaped identity core, family system disbalance and deficiency, and behavioural warning signs. In certain crisis conditions and under the influence of catalysing factors, this pattern can be activated and realised through a terrorist act. Aggressiveness, depression, lack of trust and support among peers and teachers, experience of violence, deficit of prosocial activity identified among students can be considered as prerequisites for the formation of a radical pattern in adolescence and young adulthood. The nature of interaction between predictors in such conditions and the regularities of the long-term dynamics of the system directed towards radicalisation is expected to be determinant (causal). **Methodology, methods and techniques.** Methodological foundations of the research are based on the concept of psychological safety of the educational environment, subject-activity approach, regarding psychological safety of both an individual and his/her environment in integrity, as well as the risk-resource approach, aimed at identifying threats and preventing risks arising in the environment and affecting the psychological safety of subjects in the environment.

The empirical research is aimed at describing the radical pattern as a variant of personal adaptation and identifying the prerequisites for radicalisation in the educational environment. **The following methods for collecting data in the convicts' examination were used:** in-depth interview; analysis of demographic and socio-psychological indicators, considered important from the point of view of socialisation and radicalisation of the personality; eight psychodiagnostic test techniques: shortened multifactor personality research questionnaire, value orientations (methods by M. Rokeach and D. A. Leontiev), locus of control, psychological defences (Life Style Index questionnaire by R. Plutchik, H. Kellerman, H. R. Conte), coping strategies (R. Lazarus questionnaire), tendency to addictive behaviour (V. D. Mendeleevich questionnaire). Monitoring of psychological safety of the educational environment was conducted via electronic survey. It included a questionnaire (33 questions concerning the educational space, relations with teachers and peers, family situation, involvement in violence, including bullying), psychodiagnostic examination of the level of depression (V. Zung scale adapted by T. I. Balashova) and aggressiveness (Buss-Perry Aggression Questionnaire (BPAQ-24) adapted by S. N. Enikolopov and N. P. Tsibulsky). **Method of processing the results:** correlation and comparative analysis. **The sample of the research** consisted of 30 persons convicted for terrorist offences and 30 members of their families; 244,143 respondents from 12 to 23 years old: schoolchildren of grades 6-11, students of secondary specialised and higher educational organisations in Kazan and different regions of the Republic of Tatarstan; 52.7 % among them were males and 47.3 % were females. **Results.** The characteristics of the radicalisation pattern reflecting the behavioural manifestations of the personality as well as the characteristics of the radicalised personality are presented. The characteristics of the environment, interaction with which contributes to the formation of radicalisation pattern, are determined. **Scientific novelty.** The findings expand the understanding of the causes of radicalisation of young people, shifting the research focus to diagnosing developmental disorders and describing the pattern of adaptation. **Practical significance.** The process of radicalisation pattern formation can be considered as one of the trajectories of a complex social deviation and as a variant of dysontogenesis arising in the process of personality interaction with unsafe environmental conditions. The use of such an approach in psychocorrective and psychopreventive work with young people and students is considered as a way to identify personality development disorders at early stages and to provide targeted psychological and pedagogical intervention.

Keywords

radicalisation, radicalisation pattern, sanogenic and pathogenic adaptation patterns, predictors of radicalisation

The research was carried out within the framework of State Assignment № FNRR-2024-0003 “Problem of methodology of social deviation of human development” (Psychology)

For citation: Nichiporenko, N. P., Patsakula, I. I., Galiev, I. Sh. (2025). Characteristics and conditions of radicalisation pattern formation in students. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 267–281. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-267-281.

Введение

Данная статья представляет собой осмысление предпосылок радикализации лиц молодого возраста на основе метаанализа двух масштабных эмпирических исследований, изначально не связанных общей идеей. Исследование 2017–2020 гг. было посвящено изучению личностных характеристик и особенностей семейных систем лиц, совершивших преступления террористической направленности. В 2020 г. был проведен массовый мониторинг психологической безопасности образовательной среды в связи с агрессивностью и депрессивностью обучающихся. В качестве связующих теоретических конструктов используются некоторые аспекты понятия

безопасности как характеристики взаимодействия индивида и среды в данный момент времени (Ничипоренко, Пацакула, 2021), представления о саногенных и патогенных паттернах адаптации (Ничипоренко, 2022) и идея о существовании радикального паттерна как альтернатива персонологическому подходу в исследовании сложных форм социального отклонения (Ничипоренко, Пацакула, Галиев, 2025).

Актуальность исследования

Глобальные вызовы современности, с которыми столкнулось современное человечество: стремительный рост технологий, цифровизация, огромное количество поступающей информации, в том числе имеющей ложный и «токсичный» контент, феноменология постправды, пропаганда и обыденность насилия, усиление влияния виртуальных сообществ – негативно отражаются на развитии молодого поколения. Интернет и социальные сети являются инструментами, которые экстремистские группы используют для манипулирования сознанием, создавая угрозу радикализации молодежи. Остро стоит проблема не только прогнозирования и предупреждения различных форм современного терроризма, но и преодоления последствий воздействия радикальных идеологий и сохранения психического здоровья населения (Захарова, Баева, Соболев, 2018).

Для научного решения этих задач исследуются природа терроризма, роль социального окружения и индивидуально-психологических особенностей в процессах радикализации, инструменты внедрения деструктивных идеологий и их влияние на мировоззрение и поступки подрастающего поколения. В этом направлении активно изучаются компоненты триады «личность–поведение–среда» (Ениколопов, 2006; Казберов, Бовин, Фасоля, 2019; Бовин, Казберов, Бовина, 2021), проблемы социальной идентичности (Бовин, Бовина, Тихонова, 2021); показана высокая значимость для преступников-террористов понятия «справедливость» и религиозных ценностей (Кроз, Ратинова, 2022). Для молодежной категории разработаны и апробированы методики изучения диспозиций к насильственному экстремизму (Давыдов, Хломов, 2017), склонности к экстремизму (Эльзессер, 2024), рисков религиозной радикализации (Злоказов, 2023).

Зарубежные исследования отмечают глобальный формат транснационального терроризма, формирование ценностей, усиливающих поддержку насилия (Atran, 2021). В качестве факторов радикализации рассматриваются социальное несогласие (Vicente, 2022), классовый разрыв, кризис в социуме, коррупция, этнорелигиозная политика и секьюритизация государства, отсутствие возможностей, фрагментированная социальная и этническая идентичность (Ramasamy, 2021).

Теоретические предпосылки исследования

В настоящее время происходит смещение исследовательского фокуса внимания с отдельных психологических и социальных характеристик личности на изучение целостных паттернов (Gill, 2015; Meloy, 2018; Guldemann & Meloy, 2020; Höffler, Meyer & Möller, 2022; Van den Bos, 2020). Понятие «паттерн» представлено широко и может быть использовано в различных контекстах. В рамках наших исследований паттерн рассматривается как устойчивая модель поведения, сформированная в онтогенезе под воздействием длительного влияния на личность определенных факторов и условий среды, социума, особенностей социализации. Паттерн устойчив, а будучи сформированным, мало изменяется со временем, имеет определенные характерные черты. Паттерн радикализации (Ничипоренко, 2022) представляется как специфическая поведенческая модель, которая связана с экстремистской и террористической активностью индивида.

Концепция паттерна представляется более эффективной при решении задач управления рисками радикализации по сравнению с персонологическим подходом, поскольку предметом изучения становятся способы адаптации, объективированные в поведении. Если психодиагностика личности требует профессионального и разностороннего измерения, то выявление паттерна представляет собой фокусировку внимания исследователя на проявлениях, внешне выраженных признаках, доступных наблюдению. Надежность результатов в данном случае может быть обеспечена стандартизированными картами наблюдений, системностью, разнообразием условий и ситуаций, в которых проводится исследование, и сопоставлением результатов наблюдений нескольких экспертов, в качестве которых могут выступать не только психологи, но и родители, учителя, преподаватели, социальные педагоги.

Авторами была разработана система оснований для классификации признаков, релевантных задачам прогнозирования и управления рисками радикализации (Ничипоренко, 2024). Применительно к задачам раннего выявления предикторов радикализации среди обучающихся значимыми являются следующие группы критериев, которые могут быть положены в основу программы наблюдения. Имеющиеся исследования описывают в основном предикторы радикализации, выделенные по содержанию (индивидуальные, личностные, психопатологические, микросоциальные, макросоциальные). Исследуемые признаки также могут быть классифицированы по степени причинности (причины, триггеры, маркеры), специфичности (специфичные, слабоспецифичные, неспецифичные), степени проявленности (латентные, мерцающие, актуальные), значимости с точки зрения вида психологической помощи (психодиагностические, психопрофилактические, психокоррекционные, психотерапевтические).

Стоит обратить внимание на такой параметр того или иного признака, как динамичность / статичность. Этот аспект анализа факторов риска радикализации был предложен J. R. Meloy при составлении Протокола оценки террористической радикализации TRAP-18 (Terrorist Radicalization Assessment Protocol). Динамическими признаками террористической радикализации выступают путь, фиксация, идентификация, новая агрессия, энергетический выброс, утечка, напрямую переданная угроза и поведение последнего средства. Статичными признаками, характерными для террориста-одиночки, являются психическое расстройство, личная обида и моральное возмущение, оформленные идеологией, неспособность присоединиться к экстремистской или другой группе, зависимость от виртуального сообщества, фрустрация важных жизненных целей, изменение мышления и эмоций, неспособность к интимным сексуальным связям, креативность, история уголовного насилия (Meloy, 2018). Поскольку TRAP-18 диагностирует модели поведения, а не отдельные переменные, на основе такого способа оценки нельзя выявить того, кто именно совершит или не совершит преступление. Данный методический прием и сам инструмент будут полезны для прогнозирования того, каким лицам следует уделять первоочередное внимание и какие службы должны вмешаться в ситуацию в первую очередь (педагоги, психологи, специалисты по психическому здоровью; разведка, правоохранительные органы и службы безопасности).

Мы считаем важным разделять проявления паттерна радикализации в зависимости от срочности, приоритета и способов регистрации и реагирования (сплошное наблюдение, выборочное наблюдение, мониторинг, скрининг, фокусированное наблюдение, углубленное исследование, меры пресечения).

Организация, материалы и методы

Исследование проводилось среди 30 осужденных по статьям террористического характера в несколько этапов. На этапе в 2017–2019 гг. изучались особенности личности террориста и способы адаптации. В качестве методического инструментария выступили восемь

психодиагностических методик тестового характера. Диагностике подлежали личностные особенности осужденных с помощью сокращенного многофакторного опросника исследования личности (СМОЛ), ценностные ориентации (методики М. Рокича и Д. А. Леонтьева), locus контроля, психологические защиты (опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Р. Конте), копинг-стратегии (опросник Р. Лазаруса), склонность к зависимому поведению (опросник В. Д. Менделевича). Кроме того, было использовано глубинное интервью, проведен анализ демографических и социально-психологических показателей, важных с точки зрения социализации и радикализации личности. Структурированное глубинное интервью позволило произвести реконструкцию условий и жизненного пути человека, совершившего террористический акт. На этапе 2020–2021 гг. исследование проводилось с 30 членами семей осужденных по статьям террористического характера. Использовались методика «Шкала семейной адаптации и сплоченности» FACES-3 (D. Olson, J. Portner, Y. Lavee) и опросник склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова).

В 2020 г. посредством электронного опроса был проведен массовый мониторинг безопасности образовательной среды. Выборку исследования составили 244 143 респондента от 12 до 23 лет: учащиеся школ 6–11 классов, студенты средних специальных и высших учебных заведений различных регионов нашей страны; из них 52,7 % юношей и 47,3 % девушек. Методами исследования являлись анкетирование (33 вопроса, касающихся школьной среды, образовательного пространства, отношений с учителями и сверстниками, обстановки в семье, причастности к насилию, в том числе буллингу) и скрининговое психодиагностическое обследование. Для изучения уровня депрессии использовалась шкала В. Зунга (в адаптации Т. И. Балашовой), агрессивность измерялась при помощи опросника А. Басса и М. Перри (ВРАQ-24, в адаптации С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского). Из общей выборки была сформирована группа риска, в которую вошли обучающиеся с высоким суммарным показателем агрессивности и депрессии (складывались нормализованные баллы). Состав группы риска: 860 человек (0,35 % от общей выборки), в их числе 551 лицо (64 %) мужского пола и 309 (36 %) женского пола.

Результаты исследования

Паттерн радикализации в выборке осужденных выстраивался с учетом их личностных характеристик, особенностей социализации и межличностных отношений.

Результаты исследования посредством многофакторного личностного опросника СМОЛ нельзя считать полностью достоверными (у 40 % респондентов завышены значения по шкале лжи). В единичных случаях наблюдались высокие значения по шкалам индивидуалистичности, истероидной психопатии, гиперкомпенсации агрессии, сверхконтроля, депрессивности и тревожности, параноидной психопатии и ярко выраженных агрессивных черт.

В качестве приоритетных терминальных ценностей среди осужденных высокие ранговые значения имеют ценности «счастье других», в остальном были названы обычные человеческие ценности «счастливая семейная жизнь» и «здоровье». Высокие значения среди инструментальных ценностей представлены позициями «честность» и «терпимость», что подтверждается результатами исследования убеждений радикализованной личности (Жемчугова, 2020).

Спектр распространенных психологических защит осужденных представлен рационализацией (66 %), проекцией (48 %) и отрицанием (44 %). Предпочитаемыми копинг-стратегиями были названы «принятие ответственности» (среднее значение 83,3), «планирование решения проблемы» (72,2), «самоконтроль» (71,4) и «положительная переоценка ситуации» (66,7).

Характерными для данной категории испытуемых являются склонность к зависимому поведению и готовность к виктимному способу взаимодействия при одновременном отрицании собственной слабости и позиции жертвы (латентная виктимность).

У всех осужденных по статьям террористического характера имели место сложности социализации в юношеском возрасте и ранней молодости. Структурированное глубинное интервью позволило выявить наличие травматического опыта, кризиса самоопределения и затруднений в развитии идентичности, были отмечены незавершенные возрастные задачи развития подросткового этапа. Эти условия способствовали поиску безопасности, стабильности, духовных ориентиров и обращению к религиозному мировоззрению. Приобщение к религии у многих опрошенных происходило после травмирующих жизненных событий: 20 % пережили смерть близких родственников или их тяжелую болезнь (10 %); 13 % подвергались буллингу в школе; 13 % отметили сложный переезд; 7 % имели опыт собственного серьезного заболевания или травмы. Риск религиозной радикализации может быть усилен дефицитностью семейных отношений: «Недостаток эмоциональной близости и поддержки в семейных системах, утрата или несостоятельность отцовской фигуры формируют дефицитность надежного внутреннего объекта, в результате чего потребность в нем выносится во вне и легко опредмечивается суррогатными объектами. В качестве последних могут выступать фактически любые лица, сообщества или идеи, предлагающие надежду на стабильность, поддержку и справедливость» (Ничипоренко, 2023b, с. 28).

Результаты мониторинга психологической безопасности образовательной среды показали статистически достоверные отличия группы риска от общей выборки по большинству исследованных параметров.

Распределение численности группы риска имеет неравномерный характер: на 6 класс приходится 5,9 % состава группы риска, на 7 класс – 6,0 %, в 8 классе обучается 10,1 %; 21,5 % (большинство) составляют учащиеся 9 классов, 10 класс – 3,1 %, 11 класс – 6,3 %. В средних специальных и высших учебных заведениях профессионального образования число респондентов из группы риска на 1 курсе составляет 12,4 %, на 2 курсе – 2,2 %, на 3 курсе – 11,8 %, на 4 курсе – 9,1 %, на 5 курсе – 0,3 %, в магистратуре – 1,3 %. В общей сложности на 1, 2, 3 курсах средних специальных и высших учебных заведений группа риска составляет 36 % от всей численности обучающихся с высоким уровнем агрессии и депрессии (Ничипоренко, 2023a). Для студенческой выборки анализ был проведен отдельно (Nichiporenko & Zhemchugova, 2021).

Коморбидность агрессивности и уровня депрессии оказалась высокой ($r = 0.58$). Обучающиеся группы риска воспринимают образовательную среду как враждебную и небезопасную. Лица подросткового и юношеского возраста, характеризующиеся высоким уровнем агрессии и депрессии, достоверно чаще своих сверстников испытывают эмоциональные состояния страха, гнева и обиды, связанные с учебой и отношениями, являются жертвами буллинга, сталкиваются с проявлениями насилия на улице, чувствуют себя незащищенными от необоснованной критики и обвинений учителей; признают дефицит дружеских связей со сверстниками. В то же время представители группы риска не рассчитывают на поддержку и помощь со стороны педагогов, не доверяют сверстникам и не ожидают от них помощи и поддержки, опасаются открыто высказывать свою позицию и точку зрения, не склонны делиться с одноклассниками своими проблемами и менее счастливы в семье (Ничипоренко, 2021).

Обсуждение результатов

На основании результатов исследования лиц, совершивших преступления террористической направленности, нами был описан радикальный паттерн как вариант адаптации личности с траекторией сложного социального отклонения. «Структуру радикального паттерна образует комплекс индивидуально-психологических характеристик и социальных факторов: личностные диспозиции, склонность к зависимому поведению, виктимность, религиозное

мировоззрение радикального толка, фиксация на идее справедливости, идеологически оформленное ядро идентичности, разбалансировка и дефицитарность семейной системы, предупреждающие поведенческие признаки» (Ничипоренко, Пацакула, Галиев, 2025, с. 23).

Разносторонний анализ результатов мониторинга психологической безопасности образовательной среды (Ничипоренко 2021, 2022, 2023) позволил описать характеристики небезопасной образовательной среды, проявления психологического неблагополучия, выявить взаимосвязи агрессивности и депрессивности с особенностями восприятия обучающимися отношений между субъектами учебного взаимодействия. Полученные факторы и закономерности можно рассматривать в контексте дизонтогенеза как предпосылки нарушений развития. Сами по себе данные признаки линейно не детерминируют радикализацию конкретной личности, но характер их взаимодействия способен усугубить неблагоприятные тенденции развития и выступить условиями формирования и укрепления паттерна радикализации. Особенно стоит подчеркнуть, что предпосылки становления того или иного паттерна нельзя свести к перечню факторов. Определяющими (причинными) всегда будут характер взаимодействия предикторов в данных условиях и закономерности долгосрочной динамики системы в направлении радикализации.

Первичным объективным условием становления радикального паттерна адаптации выступает динамическая последовательность жизненных трудностей, фрустраций, деприваций, угроз и насильственных действий. Субъективными факторами являются дефицит доверия и поддержки, эмоциональные состояния бессилия, беспомощности, незащищенности, а негативные групповые феномены, такие как социальный остракизм, буллинг, психологическое насилие, в сочетании с данными факторами порождают экстремальные формы насилия в виде скулшутинга и террористических действий.

В итоге можно выделить три группы признаков, обладающих прогностической ценностью в отношении становления и диагностики паттерна радикализации лиц подростково-юношеского возраста:

1. Характеристики личности, склонной к формированию радикального паттерна (личностные предикторы):

– хроническая депривация базовых потребностей личности, неразвитые навыки заботы о себе, низкая дифференциация потребностей, неспособность своевременно осознавать и закрывать дефициты;

– длительные состояния незащищенности, бессилия и беспомощности;

– наличие любых признаков психической патологии;

– индивидуальное восприятие и оценка микросоциальной среды как враждебной и небезопасной;

– обостренное чувство справедливости, личная обида, моральное возмущение;

– проблемы с идентичностью;

– отчужденность, сложности в отношениях, затруднения и инструментальная недостаточность социальных навыков;

– дефицит доверия и поддержки в ближайшем окружении.

2. Характеристики радикального паттерна адаптации:

– история ущемления прав, унижения, насилия, социальной несправедливости;

– история неадекватного реагирования на стандартные ситуации;

– агрессивность как способ реагирования на фрустрацию, инструмент решения конфликта.

Особое внимание стоит уделять латентным признакам и форме пассивной агрессии;

– депрессивность как способ пережить трудности;

– избегание конфликтов либо высокая конфликтность;

- конформность, зависимость, в том числе от виртуальных сообществ, подверженность идеологии, религиозность, индоктринация;
- виктимность (проявленная или латентная);
- причастность к любому виду психологического или физического насилия (в том числе буллингу, газлайтингу) в любой роли (агрессора, жертвы или свидетеля). Позиция защитника жертвы заслуживает особого рассмотрения в зависимости от контекста ситуации, личностных особенностей и выбранных способов поведения.

3. Характеристики среды и социально-психологического климата, взаимодействие с которыми способствует становлению паттерна радикализации (условия становления паттерна):

- остракизм как групповой феномен, присутствующий в коллективах образовательной организации, включая администрацию, педагогов и учащихся;
- отсутствие антибуллинговых норм и правил;
- наличие в коллективной морали и ценностях двойных стандартов, создающих предпосылки неравенства и несправедливости;
- безнаказанность насилия, сокрытие фактов буллинга, искажение причинно-следственной обусловленности насилия (газлайтинг);
- дефицитарность среды в отношении возможностей удовлетворения базовых потребностей личности в физической и эмоциональной безопасности, принятии, поддержке, здоровой конкуренции.

Заключение

Процесс становления паттерна радикализации можно понимать и как один из вариантов траектории социального отклонения, и как вариант дизонтогенеза, т. е. определенное нарушение развития организма на каком-либо этапе онтогенеза.

Использование такого подхода в психокоррекционной и психопрофилактической работе с молодежью и обучающимися рассматривается как способ выявления на ранних этапах развития личности групп риска, оказание адресного психолого-педагогического воздействия с учетом определения направления и содержания профилактической работы. Разработка индивидуальных и групповых программ коррекционной и профилактической направленности позволит определить показатели поведенческих реакций, требующие особого внимания и контроля, например, наличие / отсутствие нарушений развития; описание паттерна адаптации и особенности его протекания; понимание социального отклонения как уникального деструктивного способа приспособления человека к жизненным обстоятельствам. Важно рассматривать и статические факторы риска, такие как история психического расстройства, наличие / отсутствие личной обиды, моральное возмущение, особенно оформленное идеологией.

Учет этих характеристик позволит выявить признаки деструктивных тенденций в рамках траектории социального отклонения индивида в процессе онтогенеза, рассматривать его как вариант дизонтогенеза, что, в свою очередь, определит своевременные меры коррекционно-развивающего воздействия с привлечением к работе родителей и специалистов различного профиля.

Список литературы

- Бовин, Б. Г., Бовина, И. Б., Тихонова, А. Д. (2021). Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III). *Психология и право*, 11 (1), 181–194. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
- Бовин, Б. Г., Дворянчиков, Н. В., Мельникова, Д. В., Бовина, И. Б. (2023). К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты. *Пенитенциарная наука*, 17 (1), 89–97. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.61.1.010>

- Бовин, Б. Г., Казберов, П. Н., Бовина, И. Б. (2021). Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. *Психология и право*, 11 (2), 86–105. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110207>
- Давыдов, Д. Г., Хломов, К. Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика*, 14 (1), 78–97.
- Ениколопов, С. Н. (2006). Терроризм и агрессивное поведение. *Национальный психологический журнал*, 1, 28–32.
- Жемчугова, А. А. (2020). Эмпирическое исследование справедливости в структуре когнитивных конструкторов личности, подпавшей под влияние радикальных идеологий. В *Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации*: коллективная монография (стр. 73–80). Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем.
- Захарова, Н. М., Баева, А. С., Соболев, Н. А. (2018). Социально-психологические последствия современного терроризма. *Психология и право*, 18 (3), 190–205. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080314>
- Злоказов, К. В. (2023). Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструктор и опросник. *Российский девиантологический журнал*, 3 (2), 155–172. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-2-155-172>
- Казберов, П. Н., Бовин, Б. Г., Фасоля, А. А. (2019). Психологический профиль террориста. *Психология и право*, 9 (3), 141–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311>
- Кроз, М. В., Ратинова, Н. А. (2022). Ценностные ориентации преступников-террористов. *Психология и право*, 12 (2), 99–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120208>
- Ничипоренко, Н. П. (2021). Специфика восприятия некоторых аспектов образовательной среды обучающимися группы риска. *Казанский педагогический журнал*, 5 (148), 267–273. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.149.5.037>
- Ничипоренко, Н. П., Пацакула, И. И. (2021). К вопросу о психологии безопасности личности и среды: границы взаимодействия в ситуации конфликта интересов. В *Девиантность & экстремизм: глобальное, социальное, личностное*: коллективная монография (выпуск 3., стр. 110–124). Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем.
- Ничипоренко, Н. П. (2022). Саногенные и патогенные паттерны адаптации в ракурсе системно-эволюционного подхода. *Казанский педагогический журнал*, 4 (153), 263–274. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.154.4.032>
- Ничипоренко, Н. П. (2023а). Взаимосвязь уровня депрессии с характеристиками образовательной среды в подростково-юношеском возрасте. *Казанский педагогический журнал*, 2 (157), 192–199. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2023.159.2.025>
- Ничипоренко, Н. П. (2023б). Психологическое сопровождение контингента ОВ с учетом социальной ситуации развития: от девиации к норме. В *Девиантность и экстремизм: методология, нарративы, исследовательская оптика*: коллективная монография. (2-е изд., перераб. и доп.) (стр. 23–32). Казань: Изд-во ММСИП.
- Ничипоренко, Н. П. (2024). Предикторы деструктивного и аутодеструктивного поведения в ракурсе системного подхода. В *Траектория социального отклонения в развитии личности: практические и методологические аспекты*: коллективная монография (стр. 107–118). Москва: Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
- Ничипоренко, Н. П., Пацакула, И. И., Галиев, И. Ш. (2025). От диагностики личности к диагностике паттерна: опыт исследования лиц, совершивших преступления

- террористической направленности. *Психология и право*, 15 (1), 16–28. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150102>
- Эльзесер, А. С. (2024). Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка. *Психология и право*, 14 (1), 89–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140106>
- Atran, S. (2021). Psychology of Transnational Terrorism and Extreme Political Conflict. *Annual review of psychology*, 72, 471–501. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050800>
- Gill, P. (2015). Toward a scientific approach to identifying and understanding indicators of radicalization and terrorist intent: Eight key problems. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2 (3–4), 187–191. <http://dx.doi.org/10.1037/tam0000047>
- Guldemann, A., & Meloy, J.R. (2020). Assessing the threat of lone-actor terrorism: the reliability and validity of the TRAP-18. *Forens Psychiatr Psychol Kriminol*, 14, 158–166. <https://doi.org/10.1016/j.psc.2016.07.004>
- Höffler, K., Meyer, M., & Möller, V. (2022). Risk Assessment – the Key to More Security? Factors, Tools, and Practices in Dealing with Extremist Individuals. *Eur J Crim Policy Res*, 28, 269–295. <https://doi.org/10.1007/s10610-021-09502-6>
- Meloy, J. R. (2018). The Operational Development and Empirical Testing of the Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP–18). *Journal of Personality Assessment*, 100 (5), 483–492. <https://doi.org/10.1080/00223891.2018.1481077>
- Nichiporenko, N. P., & Zhemchugova, A. (2021). Psychological safety as a characteristic feature of common education environment of higher educational institutions in times of globalization. In M. Vidrevich (Ed.), *SHS Web of Conferences. International Scientific Conference “Delivering Impact in Higher Education Learning and Teaching: Enhancing Cross-Boarder Collaborations” (DIHELT 2021)*. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/10/contents/contents.html>
- Ramasamy, R. (2021). Youth radicalization and violent extremism: a study of pathways in the post-war context of Sri Lanka. *Journal of Youth Studies*, 26 (2), 229–249. <https://doi.org/10.1080/13676261.2021.2010684>
- Van den Bos, K. (2020). Unfairness and Radicalization. *Annual review of psychology*, 71, 563–588. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050953>
- Vicente, Á. (2022). Terrorist Participation Despite Social Influences Opposing Violent Extremism: A Qualitative Study among Young Jihadists in Spain. *Studies in Conflict & Terrorism*, 1–24. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2022.2151094>

References

- Bovin, B. G., Bovina, I. B., Tihonova, A. D. (2021). Radikalizaciya: social'no-psihologicheskij vzglyad (Chast' III). *Psihologiya i pravo*, 11 (1), 181–194. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
- Bovin, B. G., Dvoryanchikov, N. V., Mel'nikova, D. V., Bovina, I. B. (2023). K probleme ocenki riska radikalizacii v podrostkovo-molodezhnoj srede: nekotorye empiricheskie fakty. *Penitenciarnaya nauka*, 17 (1), 89–97. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.61.1.010>
- Bovin, B. G., Kazberov, P. N., Bovina, I. B. (2021). Mekhanizmy psihologicheskoy zashchity i dominiruyushchee zashchitnoe povedenie osuzhdennyh za terroristicheskuyu i ekstremistskuyu deyatelnost'. *Psihologiya i pravo*, 11 (2), 86–105. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110207>
- Davydov, D. G., Hlomov, K. D. (2017). Metodika diagnostiki dispozicij nasil'stvennogo ekstremizma. *Psihologicheskaya diagnostika*, 14 (1), 78–97.
- Enikolopov, S. N. (2006). Terrorizm i agressivnoe povedenie. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 1, 28–32.
- Zhemchugova, A. A. (2020). Empiricheskoe issledovanie spravedlivosti v strukture kognitivnyh konstruktov lichnosti, podpavshej pod vliyanie radikal'nyh ideologij. V *Deviantnost' VS*

- ekstremizm: issledovaniya, zakonomernosti, rekomendacii*: kollektivnaya monografiya (str. 73–80). Kazan': Institut pedagogiki, psihologii i social'nyh problem.
- Zaharova, N. M., Baeva, A. S., Sobolev, N. A. (2018). Social'no-psihologicheskie posledstviya sovremennogo terrorizma. *Psihologiya i pravo*, 18 (3), 190–205. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080314>
- Zlokazov, K. V. (2023). Izmerenie riska religioznoj radikalizacii molodezhi: konstrukt i oprosnik. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 3 (2), 155–172. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-2-155-172>
- Kazberov, P. N., Bovin, B. G., Fasolya, A. A. (2019). Psihologicheskij profil' terrorista. *Psihologiya i pravo*, 9 (3), 141–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311>
- Kroz, M. V., Ratinova, N. A. (2022). Cennostnye orientacii prestupnikov-terroristov. *Psihologiya i pravo*, 12 (2), 99–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120208>
- Nichiporenko, N. P. (2021). Specifika vospriyatiya nekotoryh aspektov obrazovatel'noj sredy obuchayushchimisya gruppy riska. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 5 (148), 267–273. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.149.5.037>
- Nichiporenko, N. P., Pacakula, I. I. (2021). K voprosu o psihologii bezopasnosti lichnosti i sredy: granicy vzaimodejstviya v situacii konflikta interesov. V *Deviantnost' & ekstremizm: global'noe, social'noe, lichnostnoe*: kollektivnaya monografiya (vypusk 3., str. 110–124). Kazan': Institut pedagogiki, psihologii i social'nyh problem.
- Nichiporenko, N. P. (2022). Sanogennye i patogennye patterny adaptacii v rakurse sistemno-evolyucionnogo podhoda. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 4 (153), 263–274. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.154.4.032>
- Nichiporenko, N. P. (2023a). Vzaimosvyaz' urovnya depressii s karakteristikami obrazovatel'noj sredy v podrostkovo-yunosheskom vozraste. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2 (157), 192–199. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2023.159.2.025>
- Nichiporenko, N. P. (2023b). Psihologicheskoe soprovozhdenie kontingenta OV s uchetom social'noj situacii razvitiya: ot deviacii k norme. V *Deviantnost' i ekstremizm: metodologiya, narrativy, issledovatel'skaya optika*: kollektivnaya monografiya. (2-e izd., pererab. i dop.) (str. 23–32). Kazan': Izd-vo MMSIP.
- Nichiporenko, N. P. (2024). Prediktory destruktivnogo i autodestruktivnogo povedeniya v rakurse sistemnogo podhoda. V *Traektoriya social'nogo otkloneniya v razvitiu lichnosti: prakticheskie i metodologicheskie aspekty*: kollektivnaya monografiya (str. 107–118). Moscow: Federal'nyj nauchnyj centr psihologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij
- Nichiporenko, N. P., Pacakula, I. I., Galiev, I. Sh. (2025). Ot diagnostiki lichnosti k diagnostike patterna: opyt issledovaniya lic, sovershivshih prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti. *Psihologiya i pravo*, 15 (1), 16–28. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150102>
- El'zesser, A. S. (2024). Postroenie modeli radikalizacii i ee empiricheskaya proverka. *Psihologiya i pravo*, 14 (1), 89–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140106>
- Atran, S. (2021). Psychology of Transnational Terrorism and Extreme Political Conflict. *Annual review of psychology*, 72, 471–501. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050800>
- Gill, P. (2015). Toward a scientific approach to identifying and understanding indicators of radicalization and terrorist intent: Eight key problems. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2 (3–4), 187–191. <http://dx.doi.org/10.1037/tam0000047>
- Guldimann, A., & Meloy, J.R. (2020). Assessing the threat of lone-actor terrorism: the reliability and validity of the TRAP-18. *Forens Psychiatr Psychol Kriminol*, 14, 158–166. <https://doi.org/10.1016/j.psc.2016.07.004>

Ничипоренко Н. П., Пацакула И. И., Галиев И. Ш. / Nichiporenko N. P., Patsakula I. I., Galiev I. Sh.

- Höffler, K., Meyer, M., & Möller, V. (2022). Risk Assessment – the Key to More Security? Factors, Tools, and Practices in Dealing with Extremist Individuals. *Eur J Crim Policy Res*, 28, 269–295. <https://doi.org/10.1007/s10610-021-09502-6>
- Meloy, J. R. (2018). The Operational Development and Empirical Testing of the Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP–18). *Journal of Personality Assessment*, 100 (5), 483–492. <https://doi.org/10.1080/00223891.2018.1481077>
- Nichiporenko, N. P., & Zhemchugova, A. (2021). Psychological safety as a characteristic feature of common education environment of higher educational institutions in times of globalization. In M. Vidrevich (Ed.), *SHS Web of Conferences. International Scientific Conference “Delivering Impact in Higher Education Learning and Teaching: Enhancing Cross-Boarder Collaborations” (DIHELT 2021)*. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/10/contents/contents.html>
- Ramasamy, R. (2021). Youth radicalization and violent extremism: a study of pathways in the post-war context of Sri Lanka. *Journal of Youth Studies*, 26 (2), 229–249. <https://doi.org/10.1080/13676261.2021.2010684>
- Van den Bos, K. (2020). Unfairness and Radicalization. *Annual review of psychology*, 71, 563–588. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050953>
- Vicente, Á. (2022). Terrorist Participation Despite Social Influences Opposing Violent Extremism: A Qualitative Study among Young Jihadists in Spain. *Studies in Conflict & Terrorism*, 1–24. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2022.2151094>

Информация об авторах

Надежда Павловна Ничипоренко – старший научный сотрудник Казанского филиала Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, кандидат психологических наук, доцент.

Ирина Ивановна Пацакула – доцент кафедры общей и социальной психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, кандидат психологических наук.

Ильдар Шамилевич Галиев – директор Казанского филиала Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.

About the authors

Nadezhda P. Nichiporenko – Senior Researcher, Kazan branch of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Irina I. Patsakula – Docent of the Department of General and Social Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Cand. Sci. (Psy.).

Ildar Sh. Galiev – Head of Kazan branch of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 07.04.2025

Одобрена после рецензирования 06.06.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted April 07, 2025

Approved after reviewing June 06, 2025

Accepted July 28, 2025